

Как моряк стал пастором – путь служителя Ивана Миненко

Пастор церкви Адвентистов седьмого дня в городе Херсоне Иван Миненко на служении уже 26 лет. За это время он не раз видел Божье водительство в жизни и убеждался, что с Богом лучше.

Вы хотели стать служителем или ваш путь в жизни был другим?

Я родился в городе Кировске Луганской области. До тринадцати лет жил с родителями, но потом тайком от родителей поступил в Луганский спортивный интернат. В Советском Союзе спортивные интернаты были высшими школами по подготовке спортсменов, сейчас они называются Училищами олимпийского резерва.

Чтобы понять, почему я начал заниматься футболом, расскажу предысторию. Я учился в школе в классе “А”, а ещё были классы Б, В, Г. Так получилось, что в нашем классе был набор самых умных детей, тех, которые подавали надежды. В классах В и Г были хорошие спортсмены, ходили в спортивную секцию. Меня в эту спортивную секцию не приняли, не знаю, почему. Наш умный класс на всех конкурсах завоёвывал первые места во всём, кроме спорта, где мы были самыми последними. В четвёртом классе мне пришла блестящая идея, которую предложил другим: «Давайте будем заниматься футболом». У меня появилась книга «Футбол», где описывались азы тренировок, тактика игры и все методы, и по этой книге я начал тренировать свою команду. К концу четвёртого класса мы стали брать первые места по всем видам спорта.

Когда я учился в пятом классе, наш учитель физкультуры, который был тренером в ДЮСШ, пригласил меня на тренировки по баскетболу. За год я вырос на двенадцать сантиметров. А в шестом классе другой тренер пригласил меня заниматься лёгкой атлетикой, т.к. я бегал быстрее всех в школе, и занял первое место в районных соревнованиях. В феврале 1986 года я поехал в

Луганск на областные соревнования. Я бежал первым, но один парень меня толкнул, и я прибежал третьим. Когда мои друзья сказали, что тренер везёт их поступать в Луганск в спортивный интернат на отделение футбола, я попросился поехать с ними. В спортивном интернате был конкурс четырнадцать человек на одно место, мы ездили четыре раза, четыре раза проходил отбор, и каждый раз кто-то отсеивался. Последний раз приехало нас трое, но взяли только одного меня. Вот тогда я и сказал маме, что меня приняли в спортивную школу.

Я видел себя футболистом, у меня это хорошо получалось, в 1989 году был кандидатом в сборную СССР по футболу, но тогда же я это и провалил. В 1989 году мы играли турнир «Переправа» – это чемпионат Советского союза по футболу среди юношей, нам было по шестнадцать лет. Это были первые серьёзные чемпионаты, до этого играли по области, по Украине, а этот было по всему СССР. Первая игра была с московским «Динамо» в городе Никополе. Перед матчем мой тренер сказал, что будет присутствовать государственный тренер (тренер сборной СССР по футболу), в сборной есть вакантное место левого защитника, а я как раз был левым защитником. Мой тренер сказал, что гостренер приехал посмотреть на меня. Меня к такому не готовили, вдруг свалилась такая ответственность, вышел, ноги ватные, боялся что-то сделать, игру я провалил. Тренер возлагал на меня большие надежды, но к этому психологически не подготовил, и этот шок выбил меня из колеи. После этого тренер предлагал меня в сборную Украины, в матче на турнире 8-ми сильнейших Украины я хорошо играл, но я ушёл из спортивной школы.

До армии я тренировал детей, сейчас в адвентистском лицее тренирую детей. Недавно нашёл в интернете книгу «Настольная книга тренера по футболу», автором её является тренер Кузнецов, который и был гостренером на том злополучном матче.

В детстве видя жизнь монотонную родителей: утром проснулись – на работу, с работы пришли – поели, телевизор посмотрели, поспали, опять на работу, я настолько был в ужасе от этой монотонности, хотелось насыщенной жизни, когда не знаешь, что

будет, через день, через неделю. Возможно, спорт выбрал из-за того, что каждые две недели мы ездили на соревнования в разные города, каждую неделю куда-то ходили, жизнь была разнообразная, интересная.

Когда ещё учился в спортивной школе, играл в областной команде, на ремонтно-транспортном предприятии числился заместителем директора по физкультурно-массовой спортивной работе, доучился, и в восемнадцать лет меня забрали в армию.

Когда же вы познакомились с Богом? В армии?

В армию я так и не попал, призвали на флот и сразу нас направили на северный флот. Мы 15 мая, в шортах, приехали на «южный» берег Северного моря, а там лежит снег. Перед нами стоял выбор – служить на Новой земле (кладбище радиоактивных отходов), или вернуться в Киев в школу техников, получить звание мичмана, диплом техникума по радиосвязи. Я решил вернуться в Киев и получить образование. И это было судьбоносное решение. В Киеве подрался с одним парнем, и он мне сломал нос. Поехал я в госпиталь к военврачу, тот сказал, что у меня искривление перегородки и необходимо сделать операцию. Мы с одним парнем, у которого была такая же проблема, решили сделать операцию в госпитале, чтобы за послеоперационные две недели написать курсовую работу. В госпитале познакомился с одной медсестрой, которая отличалась от других – не пила спиртное, не курила, никогда не ругалась, не была развязной, легкодоступной, а была культурной и аккуратной. В двадцать лет я уже задумывался о спутнице жизни, и понимал, что она должна быть такой, как эта девочка. Когда начал с ней общаться, оказалось, что она ходит в церковь, но, когда она сказала, что ходит к адвентистам, для меня это слово прозвучало даже как ругательное, т.к. не понимал, что оно обозначает. Но сами адвентисты мне уже нравились, потому что я смотрел на неё, и она вызывала уважение. После выписки из госпиталя я несколько раз ей звонил. Но в церковь попал благодаря удивительному случаю.

Мне родная сестра, которая жила в Луганской области, прислала телеграмму. В ней указала, что приезжает поездом «Волгоград – Киев», который прибывает в пять утра, и попросила, чтобы я её встретил. Это было в субботу утром. Я взял увольнительную, договорился, что меня ночью отпустят из части, в то время общественный транспорт ночью не ходил, и я с Рыбальского острова пешком за полтора часа дошёл до железнодорожного вокзала. Пришёл вовремя, посмотрел на табло, поезд прибывает на пятнадцатую платформу. Иду туда, поезда нет, возвращаюсь, спрашиваю в справочной, куда приходит поезд «Волгоград-Киев»? Отвечают, что на пятнадцатый путь. Вернулся, жду, никто не объявляет о прибытии. Так прождал час, вернулся опять в справочную, спрашиваю уже у другой дежурной: «Поезд «Волгоград-Киев» когда прибывает?», дежурная удивлённо отвечает: «Этот поезд год назад отменили». Потрясенный, я показываю телеграмму, но она повторяет, что год назад отменили, и такого рейса нет. Стою и думаю, что же делать: увольнительная на два дня, возвращаться в часть не хочется, но гулять по городу денег нет.

И я вспоминаю, что медсестра рассказывала, что они ходят в церковь по субботам, еду на Святошино, но приехал рано, к восьми часам. Напротив Дворца культуры, где собиралась четвёртая киевская община, находится универсам, и на втором этаже кафетерий, куда я зашёл, сел возле окошка и начал смотреть. Где-то около девяти часов начали заходить в Дворец культуры люди, община в то время насчитывала семьсот человек, людей идёт много, а я стараюсь увидеть свою знакомую. Без пятнадцати десять решил сам подойти, чтобы не прозевать девочку. Подошёл, смотрю, в фойе ходят молодые ребята в костюмах, на руках голубые повязки. Стою тихонько, жду, но я же в бушлате, бескозырке, я же моряк, привлекаю этим внимание. Ко мне подошёл парень, поговорили с ним, он знал Наталью Кашаеву, сказал, что её ещё нет, но пригласил зайти на богослужение. Так первый раз попал к адвентистам, я их не выбирал, меня привёл Бог и я остался.

Зашёл в полутемный зал, сел сзади и начал слушать. С детства увлекался разными вопросами, изучал философию, историю, искал ответы на вопросы бытия, смысла жизни, существовании добра и зла и другие. Ответов нигде ни у кого не нашёл. А в этот день пастор Юрий Кузьменко в своей проповеди ответил на 70% вопросов, которые меня волновали всю жизнь. Он не знал, что я приду, он вообще меня не видел, но он говорил, как раз ко мне, отвечал на вопросы, которые меня волновали, и это меня сильно зацепило. В перерыве меня познакомили с молодёжью, которой было человек сто двадцать, после богослужения меня пригласили на хор. В тот же день меня впервые в жизни накормили вегетарианскими бутербродами, для меня это была такая новинка, ведь моя мама была поваром, так что мясо, сало, колбаса у нас были всегда. Для меня было потрясением, что хлеб можно намазать какой-то икрой или винегретом, я даже этого не представлял. В этот день меня накормили, в этот день меня отправили на хор, в хоре я выучил басовую партию псалма 99 «Дверь откройте», руководил Владимир Гуменюк, он был пресвитером общины и регентом хора. И ещё меня хотели пригласить пойти посещать других людей, но мне же надо было искать свою сестру. И это всё было в первый день моего посещения церкви, которую я до этого не знал. Я нашёл телефон-автомат, позвонил в часть, спросил, приезжал ли кто ко мне, ответили, что приезжала сестра, передала, что я знаю, где её найти. Я поехал, встретился с сестрой Ириной, она старше меня на десять лет, и мы прекрасно провели время. А спустя 27 лет, прошлым году 30 октября я крестил свою сестру, ту из-за которой я попал в церковь.

Первый раз я пришёл в церковь в начале марта 1993 года, в июне принял крещение, а через полтора года мне предложили пасторское служение.

Как вы приняли крещение, зная, что в армии невозможно святить субботу?

Библейские азы я познавал постепенно, но то, что узнавал, старался принять и воплотить в жизнь сразу же. Я могу обмануть

членов церкви, себя, но Бога не обмануть. Два вопроса, которые представляли для меня сложность – это суббота и питание.

По субботам у нас был парко-хозяйственный день (ПХД), у каждого бойца было своё заведование, там, где он в субботу тщательно производил уборку. Получалось, если я уйду в субботу в увольнение, моё заведование останется невымытым. Я договаривался с командиром роты, чтобы он отпускал меня по субботам, а я убирал в пятницу или воскресенье. Как ни странно, он всегда меня отпускал, потому, что и до прихода в церковь я не пил, не курил, и он говорил: «Если с хлопцами идёт Миненко, я спокоен, он их в часть принесёт». Но однажды в части случилось ЧП, а в это время приехал командир части и объявил на пять дней Оргпериод: это когда все, включая офицеров и мичманов, находятся в части, никто никуда не уходит, повышенная боевая готовность. Подходит суббота, подхожу к командиру роты и прошу увольнение, он посмотрел на меня диким взглядом: «Ты с ума сошел? Я, капитан третьего ранга, сижу тут три дня, все мичманы сидят, а ты просишь увольнение. Ты думаешь, о чём говоришь?» Объясняю, что мне в церковь надо. Командир говорит: «Я знаю, что в церковь ходишь. Единственное, что могу посоветовать – иди к командиру части. Он объявил, он может и отправить тебя в увольнение. Других вариантов нет».

И я иду через весь плац, молюсь. А командира части мы видели один раз в неделю, когда вся воинская часть проходила торжественным маршем перед трибуной, а он стоя на трибуне принимал парад, больше мы его не видели. Для нас он был чуть ли не министр обороны. Иду по плацу и думаю: «Как я сейчас увижусь с командиром части? Как мне с ним встретиться? В корпус, где он находится, меня не впустят, какие у меня варианты?» Подхожу к корпусу, открывается дверь, и выходит командир части. Это было ближе к лету, уже введена форма «рас» – рубашка с коротким рукавом, без галстука, воротник расстёгнут. Смотрю, у него на шее цепочка с крестиком, и я: «Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться». Он:

«Обращайся». Говорю: «Понимаете, у меня проблема. Я верующий, сегодня суббота и мне нужно в церковь». Он посмотрел удивленно на меня: «Верующий? И я верующий. Хорошо, иди, скажи дежурному по части, пусть от моего имени выпишет увольнительную». Знаю, что добро на флоте действует пять минут, если за пять минут не уйдёшь, не уйдёшь никогда. Я бегом к дежурному по части, он выписал увольнительную, прибегаю в роту, показываю командиру роты, тот в шоке: «Объясни, как это произошло? Я сижу здесь, а ты идёшь в увольнение. Я не верю». И эту субботу я не пропустил.

До крещения еще был случай, когда нас отправили на стажировку на корабль. Мы в море не выходили, были на корабле, но на берег сойти не имели права. Всю субботу я просидел с Новым Заветом в руках подальше от других, только один раз спустился покушать. Ни одну субботу за 27 лет с первого своего дня в церкви я не пропустил.

А как вы решили вопрос с питанием?

Второй вопрос решил ещё более интересно. В роте 180 человек, я был самого маленького роста, стоял в конце. 180 человек роты заходят кушать, старшина роты командует, заполняются столы по десять человек, пока они садятся, уже всё разгребают. Первый стол успевает поесть, старшина роты смотрит по первому столу, он поел, командует вынести посуду, рота поднимается, а я ещё не успел и сесть, поэтому ходил полуголодный. Ещё до крещения я узнал, что есть пища чистая и нечистая, а у нас всё подсобное хозяйство выращивает свиней, всё питание готовится на комбижирах, где свинина составляет большую часть. И у меня с Богом был такой договор: «Господи, я знаю, что Ты не благоволишь к тому, чтобы я ел нечистую пищу. Я не буду кушать то, что Ты запретил, но, если я умру с голода, Тебе придётся взять меня к Себе на небо». Вот такой завет заключил: я буду соблюдать, а Ты меня сохрани.

Проходит буквально неделя, вызывает меня старшина роты, который в одно время меня невзлюбил и издевался. И тут он меня

вызывает и говорит: «Матрос, освободилась должность сервировщика роты, а ты единственный, кому я могу это доверить». Сервировщик роты – это человек, который в сейфе хранил посуду, вилки, ножи, ложки, что являлось мелким и постоянно пропадало. Время – начало девяностых, в магазине этого нет, обеспечения такого не было, поэтому сервировку доверяли одному человеку, только он её расставлял по столам, только он имел право её собрать, вымыть и спрятать в сейф. Общие дежурные на кухне к сервировке не касались. Но сервировщик и нес ответственность, что общее количество вилок, ложек, ножей будет таким, как он принял. Я приходил на кухню за полчаса до того, как должна прийти рота, принимал у дежурного по кухне столы, сервировку столов и наличие продуктов, когда старшина приводил роту, сообщал, что всё в порядке, и только тогда запускали роту кушать. Для меня это было благословением – я приходил первым, видел, что могу есть хлеб с маслом и салат. Подружился с хлеботоргом, он всегда давал мне лишний хлеб, и я был уже не голодным. Подружился с поварами, всем готовили на комбижирах, а офицерам и мичманам на сливочном масле, я ел офицерскую пайку. Всё оставшее время службы я был сервировщиком роты. Когда я сказал Богу, что готов умереть, только не делать так, как будет противно Его воле, Он сразу решил этот вопрос.

Что же вы делали после окончания службы?

В Киеве я получил звание мичмана, и наступило распределение. В Советском Союзе в двух местах готовили связистов-разведчиков, в Киеве и где-то в России. Мы были востребованы на разных флотах, присылали заявки или приезжали «покупатели» и выбирали. Первым выбирал место распределения комсорг роты, вторыми отличники, а дальше все остальные по ниспадающей. А двоечников отправляли в распоряжение командующего флота. Я был комсоргом роты и отличником, должен быть первым выбрать распределение. В то время ещё можно было попасть на Северный флот, на подводную лодку, и в 29 лет я мог бы выйти на пенсию. Но я же стал верующим, за две недели до выпуска я принял

крещение, и в это же время было распределение. Меня первым вызвали, и я говорю офицерам: «Я стал верующим, для меня суббота – святой день. Отправьте меня туда, где я могу соблюдать субботу». Они говорят: «Откуда мы знаем, где ты сможешь соблюдать субботу, а где нет». И я, комсорг роты и отличник, как двоечник, еду в Севастополь в распоряжение командующего флота. Приехал, и две недели, день в день приходил утром в Управление связи и автоматизации военно-морских сил Украины к капитану второго ранга и обращался: «Товарищ капитан второго ранга, мичман Миненко явился для прохождения дальнейшей службы». Он отвечал: «А, это ты, который в субботу не работает? Сиди, жди, если найдётся на тебя покупатель, будешь служить». Меня киевская молодёжь отпускала с тем условием, что я быстро вернусь, нашли мне работу, квартиру для проживания, поэтому я сразу же по приезду написал рапорт. Хотя после окончания школы техников я должен был отработать пять лет. После двух недель ожидания и ходьбы, однажды капитан второго ранга говорит: «Пошли, я отведу тебя к одному майору». Отвёл меня к майору, и я говорю, что у меня есть одна проблема. Но майор спросил: «Ты откуда?» Когда я сказал, что из Луганской области, оказалось, что мы земляки, а услышав, что я могу работать в воскресенье вместо субботы, он меня взял. В это время формировалась новая воинская часть «Теле-радио центр военно-морских сил Украины «Бриз», и нужно было вначале обеспечить техническую часть. Через десять лет, когда я с детьми туда приехал, оказалось, что я историческая личность. лейтенант, который был у меня командиром взвода, стал главным инженером, водил нас, везде показывал, а у него спрашивали: «А кто это?», на что он ответил: «Это историческая личность, с него начинался наш телерадиоцентр». И я остался в Севастополе, но рапорт на увольнение подал.

Со среды до пятницы искал церковь. Мне дали неправильный адрес, не мог найти. В троллейбусе познакомился с девочкой, она сказала, что такой улицы в Севастополе вообще нет, но её знакомые баптисты узнали у Свидетелей Иеговы, и те рассказали, где собираются адвентисты. В пятницу так долго искал церковь,

что не успел переодеться и приехал в форме. После служения сидели, общались, пели, в конце молились. Одна бабушка Ульяна Корниловна говорит в молитве: «Господи, благодарим, что Ты прислал этого морячка, помоги ему у нас остаться». Я слушаю её и думаю: «Говорить мне «аминь» или не говорить?» Я же приехал, чтобы написать рапорт и быстрее вернуться в Киев, а она молится, чтобы я остался. Её молитвы Бог услышал больше, чем мои, я остался в Севастополе на год, в церкви меня сразу же выбрали молодёжным руководителем.

За год написал девять рапортов об увольнении, последний раз командир части вызвал и говорит: «Я не могу тебя уволить ни под каким предлогом, по сокращению не могу уволить – часть только организовалась, по дискредитации воинского звания тоже не могу, оно тебе не нужно, единственное, что могу посоветовать – уволить по служебному несоответствию. Только ты сам напишешь, почему не соответствуешь служебному положению, потому что меня ты полностью устраиваешь». Командир взвода пишет, а я диктую: «Мичман не соответствует занимаемой должности, потому что он, как старшина роты вместо политинформации читает бойцам лекции по книге пророка Даниила из Библии». Вот так меня и уволили.

Приехали в Киев перед своей свадьбой, пришли к президенту конференции, им был тот пастор, на проповедь которого я попал первый раз, как вошёл в церковь. Мы рассказали ему, что хотим пожениться, чтобы он поговорил с родителями, мы хотим быстрее, т.к. нас зовут обратно в Севастополь. В то время приглашали молодые семьи выезжать миссионерами в новые точки, и мы с будущей женой думали и над этим предложением. Президент сказал: «Вы не спешите с отъездом, давайте дождёмся свадьбы, а после свадьбы поговорим. У конференции есть свои планы в отношении вашей семьи». В июне 1993 года я принял крещение, в январе 1995 года у нас была свадьба, на второй день свадьбы приходит президент конференции, дарит «Библейский атлас», большую Библию, вазу и говорит: «Ещё один подарок вас ждёт в конференции, приходите в четверг». Нам дали три дня отпуска, в

четверг мы приходим, перед нами раскладывают карту Центральной конференции на то время это было 5 областей, и говорят: «Вы можете поехать сюда, сюда, или сюда, но поедете вот сюда». Первое место нашего служения было в ста километрах от Киева – в Яготине. С 1 марта 1995 года мы на служении.

Вы в Киеве супругу встретили?

Да, в той же общине она была лидером, мы часто общались, вместе проводили мероприятия. Когда был в Севастополе, ездил в командировку или пару раз брал отпуск за свой счёт, приезжал в Киев. Я уже всех девочек домой проводил, общался, пытался определить, какая мне понравится, чтобы связать свою судьбу, но со всеми оставались друзьями. Как-то раз приехал в отпуск, сижу в зале, Алёнка пробежала мимо меня, поняла, что я здесь, а не в Севастополе, резко остановилась и так посмотрела, что этот взгляд я помню до сих пор. Она училась в институте им. Драгоманова, я её встречал, провожал, мы вместе ходили на молодёжки, на учительские, на служение. Через полгода мы решили пожениться. Так как у Алёнки папа подполковник, всю жизнь они переезжали с одного места на другое, она провела жизнь среди военных, и с детства у неё была мечта выйти замуж за военного. Когда она пришла в церковь в восемнадцать лет, настолько была впечатлена церковью, что появилась мечта выйти замуж за пастора. Когда мы расписывались, я был ещё военным, а когда венчались, я был уже пастором, и две её мечты воплотились.

Вы с детства боялись рутины, однообразия в работе. Служение пастора – это не рутинная, но тяжёлая ответственность. Как вы воспринимаете сейчас это?

Да, я никогда не видел рутины в работе. Мы подсчитали, что за двадцать семь лет совместной жизни у нас было двадцать два переезда. Было так, что за год переезжали три-четыре раза, а бывало, на одном месте служили четыре года.

В служении столкнулся с двумя проблемами: работа с

исключёнными из церкви пасторами и некомпетентность людей по некоторым вопросам. Всё можно решить с Божьей помощью, подсказкой, молитвой. Тяжело, когда невозможно найти общее понимание с некоторыми людьми. Стараюсь ко всем относиться одинаково, у меня нет любимчиков, людей, которых я поощряю, нет людей, которых я угнетаю. Для меня человек – это прежде всего тот, за которого умер Христос.

Как ваша семья приняла ваше новое предназначение?

Мама и папа уважительно отнеслись к моему выбору. После смерти папы под подушкой нашёл Великую борьбу, которую он читал по вечерам. В определенный период жизни, мы забрали маму к себе в Киев из Луганской области. Однажды в гости к нам приехала мамина родственница, с которой они не виделись лет сорок. Они разговаривали, не зная, что моя жена в это время была дома, и мама сказала: «Ты знаешь, а Ванина церковь – это самая правильная церковь. Я прочитала Библию, там нигде не сказано о воскресенье, всё только суббота и суббота. У Вани самая правильная церковь». У неё было такое мнение, хотя крещение она не принимала.

Что для вас самое большое счастье?

Если выбрать как цель жизни, то, как написал Павел «быть благочестивым и довольным». Если взять нашу нынешнюю жизнь, то, что доставляет счастье именно сейчас, то это наши две внучки.

Вы сталкивались с людьми других конфессий. Почему остались в адвентизме?

Я человек разумный, умею сравнивать. Когда стал пастором, в той местности, где служил, была община «шёлковцев» (определенное направление в адвентизме, религиозная группа, вышедшая по тем или иным причинам из деноминации адвентистов). Меня об этом не предупредили, но Бог дал мудрости разобраться в том, что они и как проповедуют, что совершенно не соответствует Библии. Проповедовал у баптистов и

пятидесятников, выбирал общие темы.

В вашей семье был удивительный опыт с Богом, который вы передадите своим внукам?

Опытов было много в семейной жизни. Сыну Даниилу было лет семь-восемь, дочка чуть старше. Однажды мы возвращались со служения, ездили немного дальше, чем я планировал, и когда возвращались, не хватило бензина. Машина была на газу, но когда газ закончился, переключил на бензин, но почти сразу закончился и он. Суббота, мы в поле, машина заглохла, а в машине двое маленьких детей. Когда такие серьёзные ситуации, мне кажется, что Бог быстрее слышит молитвы детей, или их вера более крепкая, или молитвы более искренние. Сын помолился, мы подождали несколько минут, завожу машину на газу, и она едет, и едет, и едет. Мы обрадовались, начали славить Бога и тут пропал газ. Я переключаюсь на бензин – она и на бензине едет. И мы опять начинаем славить Бога. Через время бензин закончился, я переключаю на газ, она на газу едет. Вот так двадцать километров переключаясь с газа на бензин и обратно мы ехали домой.

Какой вопрос вы бы задали церкви?

Я бы спросил: Вы уверены, что через десять лет вы будете членами именно адвентистской церкви? Будет ли наша церковь через десять лет той, которая несёт знамя истины? Или она настолько сольется с миром, что уже никакого сопротивления не будет? Во второй главе «Великой борьбы», в последнем абзаце есть этот вопрос. Прочитайте!

Вопросы Алла Шумило

△ Module cannot be rendered as the requested content is not (longer) accessible. Contact the administrator to get access.